

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В МАНЬЧЖУРИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Надежда Алексеевна ВАСИЛЕНКО,
кандидат исторических наук

О жизни и деятельности русской эмиграции накануне и в годы второй мировой войны на территории Маньчжурии в отечественной и зарубежной историографии истории дальневосточной российской эмиграции до сих пор нет обобщающих работ. В основном этот период изучается как этап анти-японского сопротивления китайского народа в 1937—1945 гг., завершившийся разгромом советскими войсками японской Квантунской армии. Сведения о положении русских эмигрантов в годы японской оккупации Северо-Восточного Китая содержатся в работах отечественных историков Н.Е. Абловой¹, Е.П. Таскиной², А.А. Хисамутдинова³ и др. В статье В.В. Сониной⁴ показана роль белоэмигрантских организаций на территории Маньчжоу-Го в период второй мировой войны.

В работах зарубежных, в частности китайских, исследователей также нашли отражение политические, экономические и культурные аспекты деятельности российской эмиграции в годы второй мировой войны. Заметное место в работах китайских авторов отведено героической роли советских летчиков в разгроме Квантунской армии⁵. Хроника событий в годы второй мировой войны в Харбине и на КВЖД нашла отражение в работе китайского историка Ли Шусяо⁶. В коллективной монографии Мэн Сюаньчжана, Ян Баолина и Чжан Цзунхя дана оценка действиям Красной Армии Советского Союза в Маньчжурии в деле разгрома японского военного могущества и их последствиям для китайского народа⁷.

Существование российской дальневосточной эмиграции в 30—40-е годы на территории Китая, в частности в Маньчжурии, напрямую зависело от японского режима. До оккупации Маньчжурии Японией российская диаспора на территории КВЖД и в ее административном центре Харбине представляла собой организованное сообщество, своеобразное «государство в государстве», в котором действовали российские законы, работали образовательные, научные, медицинские и прочие учреждения, это был своеобразный «уголок» многонациональной России. Оккупация Маньчжурии Японией, длившаяся более 13 лет, внесла существенные изменения в общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь российской эмиграции.

В антисоветской деятельности японские власти в Маньчжоу-Го делали ставку прежде всего на представителей белой эмиграции, большинство которых

лелеяли надежду на восстановление прежнего режима в России. Японской администрацией было взято на учет все мужское население русского зарубежья Маньчжурии. Из бывших белогвардейцев формировались казачьи полки, охранные жандармские отряды и спецкоманды по борьбе с партизанами⁸. Все эмигрантские организации могли существовать с разрешения японских военной и гражданской администраций. Организация Российского общевоинского союза (РОВС), созданная еще в 1924 г. по инициативе барона П.Н. Врангеля, в 1935 г. раскололась, и в том же году японцами был сформирован «Дальневосточный союз военных», предназначенный для объединения бывших военных российских царской и белой армий. В него вошли «Союз казаков на Дальнем Востоке», «Российский фашистский союз», «Союз мушкетеров» и другие военизированные эмигрантские организации.

Антикоммунистическую деятельность проводило общество Кио-Ва-Кай, появившееся в 1932 г. Для работы среди белой эмиграции в этом обществе создали Особый отдел с русскими сотрудниками, для влияния на молодежь в 1939 г. была организована российская эмигрантская организация молодежи Кио-Ва-Кай, а в 1940 г. — Высшие курсы Кио-Ва-Кай. В мае 1941 г. в Харбине открыли Дом молодежи. Позже появились русские молодежные отряды Кио-Ва-Кай⁹, перед которыми ставилась задача морального и физического воспитания русской молодежи как помощников Японии в строительстве нового государства под названием «Великая Азия».

В 1934 г. было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) — связующее звено между японскими властями и эмигрантами. В 1940 г. эта организация была переименована в Главное бюро по делам российских эмигрантов. Руководители БРЭМа А.П. Бакшеев, В.А. Кислицын, Л.Ф. Власьевский фактически действовали по указке японской администрации. Отделения БРЭМа возникали в городах и на станциях КВЖД. В 1938 г. произошло объединение БРЭМа и Союза военных под единым руководством В.А. Кислицына.

При формировании военных подразделений особое внимание уделялось молодежи, которая к тому времени не имела прочной идейной почвы под ногами. Повсеместно создавались скаутские отряды, при Главном бюро по делам российских эмигрантов существовала «национальная организация русских разведчиков» с тремя отделениями: детское, юношеское и взрослое. Под руководством бывших белых офицеров молодежь проходила теоретический и практический курс военной подготовки, готовясь к тайной войне против Советского Союза. Наиболее способные молодые люди затем по направлению Главного бюро продолжали обучение в японской разведшколе «Асано» под Харбином. Это был отряд, сформированный из русских белогвардейцев, во главе которого стоял японский полковник Асано. Позже его сменил русский полковник Смирнов, его заместителем был майор Михайлов, из казачьего сословия. Тех, кто служил в этом отряде, по-прежнему называли «асановцами». Эмигрантские молодежные организации — Союз фашистской молодежи, Союз националистической молодежи, Молодая имени атамана Семенова станица и другие входили в Антикоммунистический союз молодежи.

Из наиболее известных молодежных организаций в Харбине в годы японской оккупации и второй мировой войны была еврейская «Брит-Трумфельдор», которая существовала автономно и не входила в Антикоммунистический союз. Ее основная деятельность заключалась в моральном и физическом воспитании еврейской молодежи для будущего государства Палестина, оказании помощи нуждающимся евреям в эмиграции¹⁰.

Большое внимание уделялось спортивным мероприятиям. Японцы привлекали еврейское население, особенно молодежь, к участию в различных военизированных кружках. Так, в составе Русской добровольческой дружины г. Харбина в 40-е годы почти половина ее членов были евреями. Проводилась и культурно-просветительная работа еврейской молодежной организации, в годы войны работали литературный, драматический и шахматный кружки, выпускалась еженедельная стенгазета, организовывались вечера отдыха для еврейской диаспоры...

С целью активизации антисоветской работы среди эмигрантов создавались антикоммунистические комитеты, которые проводили митинги, собрания и акции протеста. 1 июня был объявлен Днем Антикоминтерна, 7 ноября — Днем непримиримости, основное назначение этих дней состояло в поддержании антибольшевистских настроений в среде эмиграции. Одной из самых организованных антисоветских обществ в Маньчжурии была Русская фашистская партия, созданная в 1931 г. в Харбине белоэмигрантами. Бессменным руководителем партии до ее роспуска был К.В. Родзаевский. Деятельность русских фашистов полностью контролировалась японскими военными властями.

При содействии лидера фашистской партии К.В. Родзаевского в 1932 г. в Харбине появилось женское объединение «Российское женское фашистское движение» (РЖФД), в 1941 г. в его рядах было 226 членов¹¹. Активистки этой партии устраивали так называемые «вторники» и «четверги», на которых заслушивались доклады и сообщения на общественно-политические темы, обсуждались насущные проблемы в мире и в Советском Союзе и другие вопросы. 1 марта 1941 г. женская фашистская партия была переименована в «Союз русских женщин» с одновременным вхождением в женский Российский сектор государственной обороны¹². Из детских и юношеских организаций, созданных при содействии фашистской партии, следует назвать Союз юных фашистов «Авангард» для мальчиков от 10 до 16 лет, Союз юных фашисток-авангардисток для девочек от 10 до 16 лет, в 1941 г. переименованный в «Союз русских девушек» и др. Эти объединения функционировали и в военные годы.

Таким образом, жизнь российской эмиграции в Маньчжурии была весьма насыщенной в политическом отношении. Политику Японии поддержала часть белоэмигрантов и с ее помощью активно готовилась к развалу советского строя на случай возвращения на родину. И такое настроение среди многих белоэмигрантов сохранялось до конца второй мировой войны.

Однако за годы японской оккупации Маньчжурии произошло существенное сокращение численности российской эмиграции. После продажи в 1935 г. КВЖД Японии с дороги были уволены советскоподданные служащие и рабочие, на их место пришли японцы и белоэмигранты. Затем была прекращена выплата пенсий бывшим работникам дороги. Многие пытались найти работу в других городах Китая, где проживало русское население, или выехали в Советский Союз. Как отмечают китайские исследователи, в 1935 г. на родину возвратилось до 25 тыс. чел., в 1936 г. на дороге оставалось 5 тыс. советских подданных, а в 1939 г. — всего лишь 1 тыс. чел.¹³ Японские власти взяли на учет всех эмигрантов, им было предложено приобрести маньчжурское гражданство, в противном случае в течение 24 часов они должны были покинуть пределы Маньчжоу-Го.

Советскоподданные рабочие и служащие после увольнения с КВЖД в основном возвращались в Советский Союз. Тех, у кого не было ни советского, ни китайского гражданства и если при этом они не признавали японскую администрацию, называли по-китайски «хун лобу» («редисками»), т.е. «красные снаружи, а белые внутри»¹⁴, из этого числа многие предпочли выехать позже

в другие страны мира. Незначительное число эмигрантов приняли китайское гражданство. Однако в указанные годы часто наблюдались случаи перехода из одного гражданства в другое. Часть бесподданных эмигрантов выезжали в другие города русского рассеяния в Китае — Шанхай, Тяньцзинь, Пекин. По окончании второй мировой войны наступил этап массового исхода русских эмигрантов из Китая.

После капитуляции Японии, по данным переписи 1946 г., советских граждан в Харбине находилось 18 448 чел., а бесподданных — 11 074 чел., для сравнения, в год продажи Японии КВЖД советскоподданных было 29 493 чел., а бесподданных — 7 384 чел.¹⁵, т.е. произошло сокращение числа советских граждан и увеличение числа лиц без гражданства.

Советский Союз, не желая обострения международной ситуации на Дальнем Востоке, не только продал японской марионеточной империи Маньчжоу-Го КВЖД, но и подписал в апреле 1941 г. с Японией пакт о ненападении, который был дополнен Декларацией о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и территории Маньчжоу-Го. Как пишет Ю. Мельников, заключение пакта о нейтралитете с СССР было со стороны Японии лишь дипломатической уловкой, хорошо обдуманной и рассчитанным шагом. Полагаясь на невмешательство Советского Союза в войну на Тихом океане, Япония продолжала готовиться к войне с СССР, и начало военных действий зависело от исхода советско-германского противоборства¹⁶.

О подписании советско-японского пакта о нейтралитете было сообщено во всех харбинских газетах. Русское население Маньчжурии получило ряд послаблений со стороны японских властей. Например, не принимать участия в учениях по противовоздушной обороне, не совершать поклонов в сторону японских храмов и резиденций императоров Маньчжоу-Го и Японии на официальных церемониях и пр. Развязав войну на Тихом океане с США, Япония стремилась не вступать в военный конфликт с Советским Союзом. В этой связи она ужесточила контроль над фашистской партией. Издание РФС «Наш путь» по распоряжению японской военной миссии было перенесено в Шанхай, а в 1943 г. деятельность партии была прекращена¹⁷. После вступления советских войск в Маньчжурию лидер русской фашистской партии К.В. Родзаевский бежал в Тяньцзинь, затем в Пекин. В конце августа 1946 г. он был арестован и препровожден в Москву, где ему был вынесен смертный приговор.

Несмотря на сложные условия японской оккупации, жизнь русской эмиграции продолжалась. В годы войны выходили в свет эмигрантские издания, действовали литературные объединения, функционировали некоторые эмигрантские организации, но только с разрешения японских властей. Непростая ситуация сложилась в системе образования. В годы японской оккупации были закрыты все высшие учебные заведения: в 1937 г. — Педагогический институт, в 1938 г. — Юридический факультет, в 1941 г. — Институт ориентальных и коммерческих наук¹⁸. Русской молодежи разрешалось обучаться на разных практических курсах и на курсах японского языка. Японский язык и военная подготовка в начале 40-х годов стали обязательными предметами во всех учебных заведениях.

В 1935 г. был прекращен прием русских студентов в Харбинский политехнический институт, обучение переводилось на японский язык, в 1938 г. ХПИ выпустил последних русских инженеров. Институт продолжал работать, но администрация и лекторский состав были уже из числа японцев, и студентов принимали только японских¹⁹.

В 30-е годы XX в., несмотря на жесткую регламентацию со стороны японских властей, русское население в Маньчжурии продолжало проводить научно-просветительную работу, культурно-массовые мероприятия, издавались периодические издания, книги и т.д. Харбин славился своими артистами, певцами, музыкантами, художниками. Все, что они делали, было направлено на сохранение национальной культуры в зарубежье.

Начало второй мировой войны по-разному было воспринято русской творческой интеллигенцией: кто-то уехал в другие страны или перебрался в Шанхай. Однако те, кто остались в Харбине, продолжали в сложившихся обстоятельствах творческую деятельность. Так, культурно-просветительское общество Мантэцу в марте 1941 г. провело выставку картин русских художников. В начале 40-х годов в Харбине широко был известен струнный квартет, который регулярно выступал с концертами. В 1941 же году прошел Всеманьчжурский вокально-музыкальный конкурс для русских деятелей искусства. В 1943 г. перед возвращением на родину дал свой последний концерт А.Н. Вергинский²⁰.

В Харбине в 30—40-е годы работала прекрасная плеяда артистов драмы, балета, оперы и оперетты. Творческая молодежь получала хореографическое образование, не выезжая из Харбина. В городе были открыты балетные школы А.Н. Андреевой, Е.В. Квятковской, Н.И. Феоктистова, В.К. Ижевского и др. Что касается оперетты, то, несмотря на отъезд основного ядра театра оперетты «Азия» в Шанхай в начале 40-х годов, в Харбине в 1943—45 гг. оперетты ставились оставшимися артистами в Железнодорожном собрании, Коммерческом собрании и Чуринском клубе²¹.

Всю свою жизнь посвятил сцене режиссер В.И. Томский. Он организовывал гастрольные поездки, получил разрешение на бесплатный проезд во все города и железнодорожные станции Китая, где проживало русское население²².

В 1940—1942 гг. в Харбине насчитывалось четыре литературно-художественных кружка. Кружком им. Н.А. Байкова руководил Н.Н. Петелин, им. Н.С. Гумилева — А.А. Кормилов, им. К.Р. (великого князя Константина Романова) — В.А. Морозов, им. П.Н. Краснова — Г. Олекминский. Их деятельность находилась под непосредственным руководством политических и общественных организаций города²³.

Работа кружков была разнообразной. Это выступления по радио, участие в культурных мероприятиях, организуемых Главным бюро эмигрантов, издание литературных сборников и пр.

Самым популярным был еженедельный литературно-художественный иллюстрированный журнал «Рубеж», который выходил в Харбине с 1926 по 1945 г. 20 августа 1942 г. японские власти издали «закон» о печати, после которого русская пресса стала испытывать большие затруднения. С сентября 1942 г. по приказу японских властей «Рубеж» стал выходить три раза в месяц. На страницах журнала печатались не только стихи и рассказы, но и популярные очерки и статьи на злободневные темы. Журнал расходился по всем уголкам русского рассеяния²⁴.

В военные годы, если часть русского населения, представленного в основном бывшими белоэмигрантами, являлась сторонниками антисоветской политики Японии, то существовала и другая часть эмиграции, которая, как могла, помогала приближению победы Советского Союза в войне с фашистской Германией и Японией в Маньчжурии. Так, например, российские эмигранты оказывали помощь семьям военнослужащих, создавались фонды помощи фронту. В 1943 г. был создан Союз сестер милосердия с целью оказания медицинской и материальной помощи семьям военных, выехавших на войну.

Таким образом, русское эмигрантское население Маньчжурии неоднозначно отнеслось к началу второй мировой войны. Оно разделилось на два лагеря: тех, кто, продолжая служить японскому режиму, надеялся с помощью Японии разрушить советский строй, и тех, кто с первых дней войны вносил посильный вклад в будущую победу советского народа над фашизмом. Жизнь русской эмиграции на территории Маньчжурии, оккупированной японцами, была насыщенной как в политическом, так и культурном отношении. Однако начавшееся сокращение численности российских эмигрантов еще в годы японской оккупации продолжилось и в годы второй мировой войны. После ее окончания наступил последний этап исхода русской эмиграции из пределов Маньчжурии.

¹ Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999.

² Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. М., 1998.

³ Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. Ч. I. Русские в Китае. Владивосток, 2000.

⁴ Сонин В.В. Дальневосточная эмиграция в годы второй мировой войны // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С. 36—45.

⁵ Ли Дэбин, Ши Фан. Хэйлунцзян иминь гайяо (Краткий очерк об иммигрантах в провинции Хэйлунцзян). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1987; Ли Сингэн, Ли Жэньнянь и др. Фэн юй фупин. Эго цяоиминь цзай Чжунго (Ряска в непогоду: Русские эмигранты в Китае). Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 1997; Ши Фан, Гао Лин и Лю Шуан. Хаэрбин эцзяо ши (История русской эмиграции в Харбине). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1998; и др.

⁶ Хаэрбин лиши бяньнянь (Историческая летопись Харбина) (1763—1949 гг.) / сост. Ли Шусяо. Харбин: Хаэрбин чубаньшэ, 2003.

⁷ Мэн Сюаньчжан, Ян Баолин, Чжан Цзунхай. Ввод советских войск в Маньчжурию. Пекин, 1995. Кит. яз.

⁸ Сонин В.В. Дальневосточная эмиграция ... С. 39.

⁹ Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции... С. 205.

¹⁰ Романова В.В. Еврейская Харбинская община в годы японской оккупации Маньчжурии (1931—1945) // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: Материалы конференции. М., 1998. С. 56; Чернолуцкая Е.Н. Еврейская эмигрантская молодежная организация «Брит-Трумфельдор» в Маньчжурии (1930—40-е гг.) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С. 108—109.

¹¹ Лазарева С.И., Сергеев О.И., Горкавенко Н.Л. Российские женщины в Маньчжурии: Краткие очерки из истории эмиграции. Владивосток, 1996. С. 56.

¹² Там же. С. 59.

¹³ Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. История российской эмиграции в Харбине. Харбин, 1998. С. 84. Кит. яз.

¹⁴ Там же. С. 87.

¹⁵ Там же. С. 97.

¹⁶ Мельников Ю. Русские фашисты Маньчжурии (К.В. Родзаевский: трагедия личности) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 159.

¹⁷ Ципкин Ю.Н. Маньчжурская эмиграция: раскол и попытки объединения военных кругов // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С. 33.

¹⁸ Аблова Н.Е. История КВЖД ... С. 210.

¹⁹ Черноус И.В. О Сиднейском объединении инженеров, окончивших Харбинский политехнический институт и Северо-Маньчжурский университет // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Перспективы сотрудничества. Владивосток, 2001. С. 25.

²⁰ Там же. С. 25.

²¹ Русский Харбин... С. 139.

²² Там же. С. 183.

²³ Там же. С. 187.

²⁴ Белозубова Н.И. К вопросу о своеобразии и роли в жизни эмигрантов литературно-художественных кружков г. Харбина конца 30-х — начала 40-х гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Кн. 2. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 182.

SUMMARY. Candidate of Historical Sciences N. Vasilenko in her article "Russian Emigration in Manchuria on the Eve and During the War" studies the life and activity of the Russian emigrants during this period of time. There elucidated different sides of this activity — political, literary, theatrical, Antisoviet ones, etc.